

Wiera Bielousowa

"Na zerkalo neča penât'..." : (k istorii odnogo vzaimootnošeniâ)

Acta Neophilologica 10, 113-117

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

Wiera Bielousowa

Instytut Neofilologii

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

„НА ЗЕРКАЛО НЕЧА ПЕНЯТЬ...” (К ИСТОРИИ ОДНОГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ)

Key words: antinomy, relationship – polarity, similarity – antipode

Облик русского общества 30-х годов XIX века, несомненно, в первую очередь, складывался под воздействием творчества двух личностей – Н. Гоголя и П. Чаадаева, личностей столь же похожих, сколь и противоположных. Их странная нелюбовь друг к другу была известна многим современникам. Её трудно объяснить причинами идеологического, мировоззренческого характера: в их творческом сознании было много общего, каждый из них сыграл новаторскую роль в русской культуре. „Гоголь был первым, кто [...] сделал литературу своеобразной формой игры с ней”¹, Чаадаев – первый русский философ в собственном смысле этого понятия: „скорбный трагический образ Чаадаева стоит у самого исхода созревшей русской мысли XIX века”². Именно с Гоголя начинается в русской литературе то движение, которое принадлежит не только истории литературы, но и истории религиозно-социальных исканий. Чаадаев же занимает в нём место первого философа, выдвинувшего постулат христианской философии истории. И писатель, и философ озабочены историческими судьбами России, их творчество пронизано тревогой и болью за неё. Оба убеждены, что величайший нравственный переворот, который совершится в людях, проникнувшихся религиозной идеей, всколыхнет страну и станет отправной точкой её обновления. Их роднит и взгляд на христианство как универсальный культурный феномен. Объединяет эти творческие личности и тот общий взгляд на Россию, который „показал всю Россию бездобрестной”³.

Поражает и антиномичность их творчества: творчество одного колеблется в амплитуде от романтического и комического до нравственно-дидактической

¹ М. Мамардашвили, *Мысль под запретом*, Вопросы философии 1992, № 5, с. 11.

² О. Мандельштам, *Петр Чаадаев*, в: его же, *Сочинения* в 2-х томах, т. 2, Москва 1990, с. 36.

³ В. Розанов, *Мысли о литературе*, Москва 1989, с. 290.

проповеди; другого, Чаадаева, от утверждения исторической отсталости России как сугубо негативного фактора до понимания этого же фактора как положительного.

Нельзя не отметить и одинаковую оценку русским обществом столь разных по форме творческих феноменов. Реакцию на постановку *Ревизора* и выход в свет в „Телескопе” *Первого философического письма* Чаадаева наиболее точно характеризует Алексей Веселовский в своём этюде *Гоголь и Чаадаев*. „Дружные рукоплескания, смех и фанатическое негодование – вот прихоть неразвитого мнения, которое решило участь двух примечательных явлений в истории нашего самосознания, – гоголевской сатиры и философских писем Чаадаева”⁴.

Трудно не обратить внимание и на совпадение кульминационной развязки жизненных биографий этих людей. Болезнь Гоголя, сожжение рукописей, его смерть и к концу XX века вопрос не до конца решенный. Странной и не до конца разгаданной была и смерть Чаадаева. Его первый биограф, свидетель болезни и кончины, Михаил Жихарев, пишет: „Кратковременная острая болезнь довольно загадочного свойства в три с половиной дня справилась с его чудесным и хрупким нервным существом [...] в последние трое с половиной суток своей жизни он прожил, если можно так выразиться, в каждые сутки по десяти или пятнадцать лет старости”⁵. Сам Чаадаев, заводя разговор о смерти, часто повторял, что своей смертью удивит всех⁶. Можно проследить общность и в самом характере работы над *Философическими письмами* и *Мертвыми душами*: оба смотрят на Россию издалека. К этому необходимо прибавить единство проповеднического начала, столь присущее как Гоголю, так и Чаадаеву.

Наконец, и писатель, и философ имеют как творческую биографию, так и создают творческую автобиографию. Писатель – *Авторской исповедью* и *Выбранными местами...*, сожжением II тома *Мертвых душ*, философ – *Апологией сумасшедшего* и своими письмами, которые он считал явлением общественным.

В ракурсе избранного рассмотрения нельзя пройти мимо общей половой загадки этих личностей. Однако искать в ней причину неприязни, скрывающую, возможно, внутреннее тяготение друг к другу, некорректно и слишком просто. На мой взгляд, свет на неприятие друг другом этих людей может пролить какое-то глубинное психологическое родство-полярность Гоголя и Чаадаева, проявившееся и в чертах характера, и во внешности, и в жизненной судьбе этих

⁴ А. Веселовский, *Этюды и характеристики. Из этюда о Гоголе*, Москва 1903, с. 17.

⁵ М. Жихарев, *Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве*, в: *Русское общество 30-х годов*, Москва 1989, с. 48.

⁶ Биографические факты Чаадаева взяты из: мемуаров Михаила Жихарева, в: *Русское общество 30-ых годов XIX в.*, Михаила Гершензона, *П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление*, Бориса Тарасова, *Чаадаев*, Владимира Лазарева, *Чаадаев*; о Гоголе – из работ: П. Анненков, *Литературные воспоминания*, В. Вересаев, *Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников*, в: В. Вересаев, *Сочинения в 4-х томах*, т. 3: *Гоголь в воспоминаниях современников*, Д. Чижевский, *Неизвестный Гоголь*, в: *Гоголь. Материалы и исследования*.

людей. Экзальтированность Гоголя, граничащая с неврастенией, перекликается с ипохондрией Чаадаева, от которой он в молодости лечился. Оба бесконечно думают о своём здоровье: Чаадаев боится любой заразы, „холит свой желудок”, Гоголь заявляет, что у него и желудок устроен не так, как у остальных людей – перевернут, предчувствует свою раннюю смерть, как бы наклеив её на себя. Оба чрезвычайно мнительны и подозрительны, особенно Гоголь. Оба – объявляются сумасшедшими, и в поведении каждого есть нечто, что заставляет думать о настоящем сумасшествии⁷: критика после *Переписки с друзьями* ставит под сомнение рассудок Гоголя. Один начинает терять писательский дар, несколько последних недель живёт, уже как бы не живя; другой – опускается до серой, бесцветной жизни, сохраняя с нею связь лишь через Английский клуб. Оба тщеславны, и, по воспоминаниям современников, „понедельники” Чаадаева в Москве очень напоминают римские приёмы Гоголя; и тот, и другой вели себя как люди, требующие поклонения. Каждый из них ощущал себя гением человечества; Гоголь уже с двенадцати лет чувствует в себе что-то, что сделает его известным, уверен в своём избранничестве, в своём высоком призвании совершить нечто великое, испытует безмерное писательское сомнение; Чаадаев в письме к Пушкину просит побыстрее возвратить рукопись, замечая, что дело не в честолюбии, а в той мысли, которую „я считаю себя призванным дать миру” [курсив мой – В.Б.]⁸. Оба претендуют на роль народного вождя и трибуна.

Их *подобие-антиподность* начинается уже с внешности. У Чаадаева бледное, по-женски нежное, но совершенно неподвижное лицо, как из мрамора, женственно тонкие губы с насмешливой улыбкой; его эlegantность, бесконечная забота о внешности „удостоились” пера Пушкина. Его светский облик столичного денди одним штрихом даёт Пушкин: „*Второй Чадаев, мой Евгений...*”, „*Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей*”⁹.

Многие исследователи отмечают его склонность повязывать по пяти галстуков в утро, холить ногти, по часам просиживать за туалетом, чистить рот, протираться, мыться, холиться, прыскаться духами, что нашло свое отражение и в пушкинской реминисценции образа Чаадаева: „*Он три часа по крайней мере / Пред зеркалами проводил / И из уборной выходил подобный ветренной Венере [...]*”¹⁰.

Внешность Гоголя кажется пародией на этого красавца. Уже гоголевский нос, ставший притчей во языцех, делал его лицо карикатурным, мог привести в любой

⁷ На пограничность психологии Гоголя указывал В. Вересаев (В. Вересаев, *Гоголь в жизни. Систематизированный свод подлинных свидетельств*, в: его же, *Сочинения* в 4-х томах, т. 3, Москва 1990), М. Попович (М. Попович, *Гоголь*, Киев 1989). В последней литературе о Гоголе, со ссылками на заключение медиков, указывается на шизофреническое начало психики писателя (см. Б. Соколов, *Расшифрованный Гоголь*, Москва 2007, с. 291).

⁸ П. Чаадаев, *Сочинения*, Москва 1989, с. 351.

⁹ А. Пушкин, *Сочинения* в 2-х томах, т. 2, Москва 1982, с. 11.

¹⁰ Там же.

момент в движение всё лицо; маленький рост, прыгающая походка, парики, которые он носил, одежды, в которых появлялся перед людьми – всё было нелепым и даже оскорбительным для окружающих. Он действительно походил на Карлик-Носа из сказки Гауфа, который, будучи заколдованным ведьмой-старухой, как бы „в награду” за внешность получил и её дар, в отличие от сказочного мальчика, не получившего его, но благополучно возвратившегося в свою „нормальную” внешность. „Таинственный Карло”, прозванный так своими ровесниками за свою сверхчувствительность и особую, какую-то мистическую психику, до сегодняшнего дня загадка. Метафизика и его внешности, и творчества, и судьбы создают соотношение *подобия-парадокса* Чаадаеву, сопрягают идентичность этих натур с диаметрально противоположным смыслом. Так, идея покаяния и спасения, раскаяния в содеянном проявляется у Гоголя в выворачивании души „наизнанку” перед всем миром, что сочеталось с бесконечным подчеркиванием „тайн сердца”, которые он не открывал никому, в бесконечном стремлении самосовершенствования, практических советах в деле совершенствования мира, в прямой навязчивости этому миру, что очень раздражало друзей, в соединении острого аскетизма с настойчивой волей к общественному действию¹¹. Чаадаев, предлагающий, как и Гоголь, заглянуть к себе в душу, предаёт Герцена, называя его одобрительный отзыв наглой клеветой, пишет начальству оправдательное письмо, но самому Герцену клянётся в вечной любви; говорит властям, что его справедливо наказали, что его письма действительно бред, что он давно душевно болен¹²; десять лет, взирая свысока на происходящее, ничего не делает, превращая свой дом на Басманной в подобие тех лачуг, над которыми издевался в своих *Письмах*, хотя возводит бытовую комфорт в одно из условий, располагающих к самоуглублению.

Петр Чаадаев – представитель высшего светского общества, потомственный аристократ, очень озабоченный своим „модным положением”¹³; Николай Гоголь – мелкопоместный, да к тому же малороссийский дворянин, имеющий, по мнению Жихарева и Вересаева, „непреодолимую тягу к великосветским знакомствам”¹⁴. Гоголя воспринимают как провинциала, засорившего свою „хохляцкою мовою” русский язык, в силу чего редакторы часто „исправляли” его стиль; чаадаевский же стиль отмечает сам Пушкин. Он же, Пушкин, прославляет его как Перикла и Брута, хотя „Периклес” обрушивается на античное искусство, а „Брут” заявляет в *Апологии сумасшедшего*, что „Россия обязана всем только энергической воле наших государей”¹⁵.

При сопоставлении этих личностей, нельзя не заметить двойственность их натур. О Гоголе можно сказать: „цельная личность” и „противоречивая личность”.

¹¹ См. А. Терц, *В тени Гоголя*, в: его же, *Собрание сочинений в двух томах*, т. 2, Москва 1992.

¹² См. М. Жихарев, *Докладная записка потомству...*

¹³ Там же, с. 55.

¹⁴ В. Вересаев, *Гоголь в жизни...*, с. 30.

¹⁵ П. Чаадаев, *Сочинения...*, с. 153.

В его творчестве, действительно, уживаются высокопарность и изменчивость, утверждение и отрицание, поэзия и проза. Вересаев отмечает в Гоголе противоречие между скукой, фальшью, самообожанием, с одной стороны, и готовностью пойти на любые жертвы, но не сфальшивить в искусстве, не отступить ни на шаг от своих художественных убеждений, с другой стороны¹⁶.

Противоречивость чаадаевской натуры отмечает уже первый биограф философа – Жихарев, видя в нем редкий эгоизм, немилосердное себялюбие, своеволие, гордость и оригинальность, повышенный интерес к светским успехам, который Чаадаев очень тщательно скрывает от окружающих. Это стремление к светскому успеху сочеталось в нем с „необыкновенной самостоятельностью и независимостью мышления, чудесной интуитивной способностью с раза, одним взмахом глаза чрезвычайно верно примечать в каждом явлении то, чего века вечные не видят другие”¹⁷, – пишет он. По воспоминаниям современников, он себя совсем не знал и часто изменял своим идеалам. Создавая в своих письмах к друзьям образ цельного бескомпромиссного человека, он, однако же, постоянно в реальной жизни приходил в противоречие со своей теорией. „Непомерный и почти чудовищный его эгоизм, преступная слабость [...] источник и причина и его расточительности, и его тщеславий, и его нередких малодуший...”¹⁸. Это и даёт повод Денису Давыдову написать о Чаадаеве жесткие, но отвечающие фактам его биографии строки: „А глядишь: Наш Лафает, Брут или Фабриций / мужиков под пресс кладет вместе с свекловичей”¹⁹. И если у Гоголя „молитва мытаря, сизифов труд самостроительства”²⁰, то у Чаадаева – самолюбование и поза.

И хотя эти натуры имели общий духовный стержень – жажду перевернуть мир, их подобие – антиподность, заставляющая смотреть в другого как в зеркало, определило характер взаимоотношений этих столь нестандартных людей.

Summary

“На зеркало неча пенять...” (Towards History of One Relation)

This paper is devoted to the problem of studying psychological portraits of Gogol and Chadaev. It is the attempt to analyze one of the reason of their mutual hostility.

¹⁶ В. Вересаев, *Гоголь в жизни...*, с. 30.

¹⁷ М. Жихарев, *Докладная записка потомству...*, с. 56.

¹⁸ Там же, с. 82.

¹⁹ Д. Давыдов, *Сочинения*, Москва 1985, с. 120.

²⁰ А. Терц, *В тени Гоголя...*, с. 97.